

Иерархия цветовой гаммы «*Божественной комедии*» восходяща и устремлена к свету, порождающему в свою очередь каждый цвет этой гаммы. Хаос же цветовых ощущений ориентирован на их гармонию, на союз божественного и земного, воскрешенных и воплощенных в субъекте. Свет объективирован. Человек — носитель лишь малой его частицы. В алхимии иное: Свет выведен из иерархии цветов. Носитель света — сам алхимик, творящий символы как образ. Он — ряженный бог. Данте же, представляя средневековые, метафоризирует все-таки образец, божественный образец.

В каком же отношении у Данте находится цвет к определяемой вещи? В символическом? Едва ли. Цвет, если только отвлечься от сакрального контекста, — физическая краска, в некотором смысле произвольно нанесенная на объект. Аллегорические поучения, соотносенные с цветами спектра, в тексте поэмы не даются, но разноречиво примысливаются обыденным сознанием средневекового человека. Цвет как признак вещи едва не слит с вещью. Возможность объективации признака почти не проявлена. Аллегорические смыслы возникают в связи с окрашенной вещью. В алхимии не так. Но разведенность и в Дантовом видении все-таки есть. Цвет — существенный момент вещи; ее, так сказать, потенциальная, очищенная от земных случайностей судьба. Вещь и ее цвет находятся не в символических — иных отношениях. Вещь, данная в опыте, восходит к феномену. Цвет же, данный в традиции, восходит к сущности, то есть к Слову — вопреки своей очевидной феноменальности. Метафизический смысл прочитывается в световой — не цветовой! — реальности. Синтетическое единение четырех смыслов Оригена — Данте.

Диаметральное переосмысление цвета дела не меняет. Отношение вещи к цвету остается прежним — менее всего символическим. Византиец Никита Хониат (XII в.) сопрягает царский пурпур не с рождением, а с кровью расправ, а царское золото — не с высоким светом немеркнущего Солнца, а с цветом «желчи, обещающим поражение». Багрец и золото — двойственная сущность власти василевса. Внутреннее состояние земного мира, а не символическое его удвоение. Воистину: цвет только слышим, а слово — видимо. И только.

Однако кривозеркальная жизнь алхимии не прошла незамеченной и не учтенной официальным средневековьем. Отношение вещи к цвету под воздействием символических — цветowych — связей в алхимии существенно видоизменяется. Обращусь к примечательнейшему месту «*Божественной комедии*»:

*И я от изумленья стал безгласен,
Когда увидел три лица на нем;
Одно — над грудью, цвет его был красен;
...Лицо направо — бело-желтым было;
Окраска же у левого была,
Как у пришедших с водопадов Нила*

(Ад, XXXIV, 37—39, 43—45).